ляется одним из ранних произведений на эту тему в русском изобразительном искусстве. Это, естественно, ставит вопрос, в каком же отношении к росписи могла находиться созданная несколько позже икона с изображением Динары, хранящаяся в Историческом музее.

Из сопоставления композиции нашей иконы со стенописью Царицыной палаты несомненно, что на иконе изображены две сцены, очень близкие к тому, что мы видим в аналогичных моментах росписи. Левая композиция, изображающая на иконе моление Динары, почти в точности совпадает с тем, что мы видим в одноименной сцене росписи Царицыной палаты, в которой также молящаяся перед иконой Динара изображена дважды: в рост и припадающей к земле. Точно так же вокруг головы Динары изображен нимб. Под плотным слоем записи трудно говорить о полной идентичности изображенных фигур. Однако красная одежда Динары с золотым воротником в росписи и на иконе одинакова. На иконе и в композиции росписи близка и поза Динары, сидящей верхом на лошади. Художник, очевидно, считал невозможным изобразить Динару в воинской одежде, с отсеченной головой персидского царя на копье. Динара на иконе написана в длинном царском одеянии, в мантии и в короне, с нимбом вокруг головы и со свитком в левой руке, как подобает праведной царице. Вместо отсеченной головы над группой воинов позади Динары возвышается хоругвь с крестом, символизирующая победу христианства над «нечестивыми агарянами».

Все сказанное выше позволяет предположить зависимость иконы от росписи на северной стене Царицыной палаты. О возможности непосредственной связи одного изображения с другим говорит и их хронологическая близость — конец XVI в.

До нас не дошли или еще остаются скрытыми под записью XIX века тексты к двум последним раскрытым сценам из Повести о Динаре в Царицыной палате.

Возникает вопрос, не могли ли и миниатюры в списке «Казанской истории» (ГБЛ, ф. 173, № 98), которые должны были иллюстрировать подвиг Динары, также быть задуманы под непосредственным воздействием росписи Царицыной палаты? М. Н. Сперанский считает «Историю о Казанском царстве» памятником, близким к официальным кругам,[53] где этот сюжет мог быть указан в качестве образца для миниатюр «Казанской истории».

В списке «Казанской истории» (ГБЛ, ф. 173, № 98) предполагалось, судя по надписям, изобразить три основных момента, известных уже по росписи в Царицыной палате: 1) подпись к неосуществленной миниатюре, которая должна была изображать Динару идущей в Шарбенский монастырь, роднит ее с эпизодом, данным во второй композиции росписи Царицыной палаты (рис. 2); 2) вторая миниатюра рукописи должна была изображать выступление Динары в поход против персов, что соответствует третьей композиции росписи; 3) наконец, подпись к третьей миниатюре: «...и отсече велехвальную главу царя перского и вонзе на копие и привезе во град» — совпадает со сценой в четвертой композиции росписи (рис. 3). Эта близость заставляет думать, не списал ли неизвестный автор текста или переписчик «Казанской истории» эту подпись со стены Царицыной Золотой палаты?

Из всего сказанного выше можно предположить, что изображение на иконе ГИМ и задуманные, но невыполненные миниатюры из рукописи

---

[53] М. Н. Сперанский, стр. 83.